

# Завоевание русскими купцами внутреннего рынка страны в XVI–XVII вв.

**Шумилов Михаил Михайлович**

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)  
Профессор кафедры международных отношений  
Доктор исторических наук, профессор  
mshumilov@mail.ru

## РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению важного аспекта экономической истории допетровской России. Автор анализирует политику правительства, направленную на ограничение хозяйственной активности иностранных купцов на внутреннем российском рынке. Главное внимание акцентируется на выяснении причин, результатов и особенностей политики торгового протекционизма, проводившейся в интересах казны и верхов русского купечества.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

торговля, товар, меркантилизм, торговый протекционизм, талер, купец, тариф, таможенные сборы, казна

Shumilov M. M.

## The Capture of the Domestic Market by Russian Merchants in XVI–XVII Centuries

**Shumilov Mikhail Mikhailovich**

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)  
Professor of the Chair of International Relations  
Doctor of Science (History), Professor  
mshumilov@mail.ru

## ABSTRACT

The article considers an important aspect of the economic history of pre-Petrine Russia. The author analyzes government policies which aim to restrict economic activity of foreign merchants in the domestic Russian market. The main attention is focused on the clarifying the causes, the results and the peculiarities of trade protectionism policy pursued in the interests of the Treasury and the upper Russian merchants.

## KEYWORDS

trade, goods, mercantilism, trade protectionism, taler, merchant, customs tariff, customs duties, treasury

---

Современная мировая система, которую выдающийся американский социолог, представитель неомарксистского направления в теории международных отношений Иммануэль Валлерстайн называет миром-экономикой, возникла в XVI в. Изначально ее отличали преобладание рыночной торговли и единая система разделения труда с поляризацией свойственных центру и периферии видов экономической деятельности. Примерно к 1640 г. окончательно стабилизировались три структурные позиции мира-экономики — сердцевина (центр), периферия и полупериферия. В силу целого ряда случайностей — исторических, экологических, географических — на роль сердцевинной зоны выдвинулись страны северо-западной Европы, которые стали активно вмешиваться посредством войн, подрывных действий и дипломатии

в судьбы периферийных государств Восточной Европы и Западного полушария. Одновременно Валлерстайн признает, что Россия изначально входила в мир-экономику, имея при этом полупериферийный статус «вследствие силы своей государственной машины (включая армию)...» [3, с. 37–38, 48, 71].

Следовательно, в процессе присвоения прибавочного продукта Россия, хотя и подвергалась «эксплуатации» со стороны центра, всегда имела свою долю в «эксплуатации» мировой периферии. Более того, ее властные структуры и торговые представители неизменно стремились поддерживать равноправные отношения с заморскими партнерами. При этом целенаправленно проводилась политика меркантилизма и торгового протекционизма (с конца 1620-х гг.), нацеленная на поддержание активного торгового баланса и обеспечение притока в страну иностранной валюты, а также необходимых товаров по оптовым ценам мирового рынка.

Одновременно с образованием единого Русского государства на рубеже XV–XVI вв. формировался механизм, регламентирующий трансграничные перемещения иностранных купцов. Для них были открыты исключительно «порубежные города». Поездки в глубь русской территории становились возможными при наличии специальных государевых проезжих грамот — своего рода разовых пропусков для беспрепятственного проезда во внутренние города страны. Основанием для проезда также служили действующие договоры Москвы с Ливонией, Данией, Ганзой, Швецией, Польшей, Пруссией, Турцией, в которых особо оговаривалось право иностранных коммерсантов на проезд в Россию и выезд из нее. Впрочем, в таможенном отношении иностранцы длительное время находились в схожих условиях с русскими купцами, и только во второй половине XVI в. проявилась тенденция к подчеркиванию различий между ними.

С середины XVI в. происходило увеличение товарообменных операций. В сельской местности и небольших городах появились многочисленные торжки и ярмарки, складывалась сеть больших и мелких рынков сырья и деревенских ремесленных товаров. Постепенно преодолевалась хозяйственная изоляция отдельных районов, которые сближались в экономическом отношении друг с другом, создавались значительные областные рынки, охватывающие несколько районов. Устанавливались и приобретали устойчивость торговые связи между отдаленными городскими и сельскими рынками. Внешняя торговля способствовала расширению товарно-денежных отношений и активизации внутренней торговли.

Одновременно набирал обороты процесс социальной дифференциации в предпринимательской среде. При непосредственной поддержке власти в Москве появились привилегированные сословные группы гостей, людей гостиной и суконной сотен. При отборе в них во внимание принималась зажиточность, обширность торговых оборотов или капиталов, а также служебное рвение аттестуемых. Представители каждой сотни могли претендовать на замещение определенных государственных и общественных должностей и требовать фиксированной компенсации за нанесенное им бесчестье [7, с. 21].

Наличие у гостей вотчин и поместий сближало их с представителями военно-служилой знати и требовало участия в работе финансовых органов государства [19, с. 148–149, 158]. А. Д. Градовский отмечал, что гости, считая себя служилыми людьми больше, чем посадскими, спорили с дьяками о том, у кого чин выше. Сами они претендовали на то, чтобы стоять в бюрократической иерархии на одной ступеньке с думными дьяками [5, с. 166–167]. По мнению Б. Н. Флори, в конце XVI–XVII вв. московское привилегированное купечество «превратилось в сословную группу с двойственными социальными функциями. С одной стороны, перед нами часть городского населения, занятая торгово-предпринимательской деятельностью, которая в силу этого (независимо от своих особых привилегий) имеет объективно общие интересы со всем сословием горожан. С другой — перед нами группа лиц, составляющих часть финансового аппарата феодального государства и заинтере-

сованных в его успешном функционировании, т. е. в успехе эксплуатации сословия горожан со стороны феодального государства, что находится в прямом противоречии с объективными интересами этого сословия. Все это, несомненно, делало крайне сложными и противоречивыми взаимоотношения между привилегированным купечеством столицы и другими слоями сословия горожан» [19, с. 159].

По мере необходимости группу гостей пополняли наиболее состоятельные и результативные в служебном отношении выходцы из гостинной и суконной сотен, а также из посадских людей, разбогатевшие на торгах и промыслах. После 1613 г. пожалованным «гостиным именем» выдавались персональные царские грамоты, в которых перечислялись их заслуги (верная служба в головах или целовальниках у соборной казны, в таможах, на кружечных дворах и т. д.) В 1648 г. корпорация гостей получила новую единую грамоту, и «выдача персональных грамот на чин гостя с перечислением всех дарованных льгот потеряла прежнюю обязательность» [4, с. 150]. Торговые люди гостинной сотни обладали почти всеми правами гостей. Они не могли лишь свободно выезжать за границу и покупать вотчины. Их привлекали к участию в государственно-управленческой деятельности в качестве товарищей (заместителей) голов, назначаемых по особому царскому распоряжению.

До открытия англичанами Двинского устья в середине XVI в. главным пунктом торговых сношений России с Западом оставался Новгород, экономически связанный с другими рынками страны. Основными портами на Балтике являлись Ивангород и село Наровское, расположенное в устье Наровы. Впрочем, торговля России с Ганзейским союзом и городами Ливонского ордена в первой половине XVI в. уже не играла прежней роли. К тому же немцев недолюбливали за попытки противодействовать прямым контактам русских купцов с другими западноевропейскими партнерами. Поэтому Иван IV поставил задачу завоевания ливонских гаваней. В самом начале Ливонской войны русские войска захватили Нарву, и она на время стала главным центром западной торговли России. Поощряя «нарвское мореплавание», Иван IV предоставил купеческой верхушке города значительные привилегии: «...право самоуправления, свободу вероисповедания, право на беспошлинную закупку основных товаров на рынках России» [16, с. 286].

В 1581 г. шведы захватили Нарву, а затем и все побережье Финского залива, и это привело к нарушению сложившихся к тому времени торговых связей. По условиям Плюсского перемирия (1583 г.) Швеция аннексировала Нарву, Ивангород, Ям, Копорье, расположенные близ Финского залива, Орешек и Корелу на берегу Ладожского озера, а также Гдов на берегу Чудского озера. Таким образом, Россия фактически лишилась выходов в Балтийское море. Свободными для внешней торговли оставались лишь гавани на Мурманском берегу. При этом, как отмечал И. П. Шаскольский, «до 1585 г. Кола вместе с Печенгой и Кегором имели большее значение для внешней торговли России, чем гавани в устье Северной Двины» [20, с. 278].

В середине XVI в. было положено начало регулярным торговым сношениям России с Англией. В 1555 г. Иван IV даровал Московской компании англичан первые привилегии. С этого времени ее представители могли свободно приезжать и покидать Россию. Разрешалась беспошлинная торговля, хотя и с условием, чтобы привозные товары сначала предъявлялись для государственной закупки. В 1556 г. англичане получили в подарок дом в Москве на Варварке у церкви св. Максима, в котором разрешалось держать меры и весы с царским клеймом, а в 1564 г. — возможность покупки двора в Вологде или в Холмогорах и возведения товарных складов, где найдут удобную пристань.

В сентябре 1567 г. царь пожаловал компании новую грамоту, значительно расширившую ее прежние права и привилегии. За ней закреплялись дома, приобретенные к тому времени в Москве и других городах. В этих местах допускалась

розничная торговля. Разрешалось учреждение складов в Холмогорах, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Великом Новгороде, Пскове, Ругодиве (Нарве) и Юрьеве-Ливонском (Дерпте). В зону беспошлинной торговли компании вошли новые русские города — Казань, Астрахань, Нарва и Дерпт. Англичане получили право транзитной торговли с Шемахой, Бухарой, Самаркандом и другими землями Востока (главным образом с Персией). Таможенникам запрещалось вскрывать английские тюки. В 1569 г. Московской компании удалось расширить список полученных привилегий и фактически овладеть русским рынком. Агенты компании доносили, что во внутренних областях Русского государства они почти не встречали иноземных конкурентов, везде пользовались большим доверием русских купцов, которые охотно предлагали им свои товары, «зная их как хороших покупателей и исправных плательщиков» [8, с. 219–220].

Иван IV настойчиво добивался более тесных отношений с Англией, однако его предложение о военно-политическом союзе было отклонено английской королевой. В сильном раздражении он отменил в конце 1570 г. все льготы, предоставленные жалованной грамотой 1569 г. В дальнейшем торговую политику России определял «здоровый практицизм». Так, английскому посольству Даниила Сильвестра (1573–1574 гг.) пришлось добиваться новой жалованной грамоты для Московской компании. Видимо, такая грамота была получена в 1574 г., однако восстановить привилегии в прежнем объеме англичанам не удалось. С этого времени их торговля ограничивалась собственными русскими городами; поездки в Казань и Астрахань допускались только с разрешения царя; торговля разрешалась с уплатой таможенных пошлин, хотя и в половинном размере против других иностранцев и русских торговых людей.

До конца XVI в. Московской компании было пожаловано еще несколько грамот, условия которых принципиально не изменились. Привилегированным англичанам по-прежнему запрещалось привозить в Россию чужие товары, бывать в Казани и Астрахани без царского разрешения, торговать в розницу в своих дворах, привлекать подданных московского царя для закупки по городам местных товаров или для реализации на русском рынке товаров компании, кабалить русских людей, превращая в «закладней», держать на московском дворе больше одного русского работника, высылать в Англию людей компании без царского разрешения, «оставлять или хранить имущество» русских людей «или путем залогов скрывать его» [21, с. 225–227]. Особое недовольство компании вызвало распоряжение русских властей о записи в Холмогорах всех привозимых из Англии товаров, впрочем, без права местной администрации раскрывать тюки [12, с. 51].

В ответ на попытки Московской компании вытеснить с севера других иностранных купцов, включая англичан, не принадлежавших к компании, русское правительство приветствовало появление в устьях Северной Двины фламандцев, голландцев, ганзейских немцев и французов, которые в 1560–1570-е гг. ходили к Нарве. Стремясь привлечь их к участию в беломорской торговле, оно решительно отвергло монополистические притязания англичан и призывало Елизавету не препятствовать приходу «некомпанейских» англичан и других торговых иноземцев к русским северным пристаням [21, с. 222–223].

Более того, в октябре 1585 г. царь Федор Иванович направил французскому королю Генриху III грамоту, по которой всем французским купцам разрешалось приходить к Холмогорской пристани (Архангельску), другим порубежным и внутренним городам страны с правом торговать и беспрепятственно выезжать из России. Затем, в марте 1587 г., он подписал жалованную грамоту товариществу французских купцов в Париже, возглавляемому Жаком Параном. Она была обращена к воеводам и другим должностным лицам Архангельска, Холмогор, Ярославля, Москвы, Новгорода и Пскова, которым вменялось в обязанность предоставлять приезжавшим от имени компании Парана французам «повольную торговлю», взимая с них лишь

половину тех пошлин, которые вынуждены были платить другие торговые иноземцы. Отдельные компании нидерландских купцов также освобождались уплаты от таможенных пошлин в полном объеме. Им предоставлялась возможность иметь собственные дворы в Москве, Архангельске, Вологде, Холмогорах и Усть-Коле, что избавляло от обязанности размещаться на общих гостиных дворах [21, с. 224–225].

Впрочем, таможенное обложение торговых операций в то время не было обременительным для участников торговли. Даже во второй половине XVI в. тамга — основная адвалорная пошлина — обычно не превышала 4 деньги с рубля или 2% с цены. Осмничее, весчее, рукозное, судовое и некоторые другие платежи взимались в меньшем размере.

Предметом особого внимания русского правительства была торговля серебром. К концу XVI в. сложился порядок, согласно которому устанавливались закупочная цена на привозные ефимки (талеры), порядок приемки их на денежных дворах и нормы выхода копеек из иностранного сырья. Поскольку установленная государством цена ефимков превышала рыночную или совпадала с ней, русские охотно скупали привозную монету, а затем перепродавали на монетный двор с небольшой для себя прибылью. По предположению И. Г. Спасского, до начала XVII в. «выпуск новой монеты и обновление ее запаса в обращении в значительной мере, если не в основном, находились в руках купечества, которое доставляло на денежные дворы огромные массы западного серебра для переделки в русскую монету в порядке индивидуальных заказов» [17, с. 11].

После завершения строительства в Архангельске таможенной избы, важни<sup>1</sup> и частных дворов для приема русских и иноземных гостей (1586–1587 гг.) на севере страны были созданы необходимые условия для нормального ведения торговых операций с иностранцами, включая англичан, и контроля над ними со стороны русской администрации [18, с. 134]. Помимо контролируемых правительством портов, въезд иностранцам в Россию с северного направления был воспрещен.

Пережив Смутное время, Россия возобновила свою торговлю с Западной Европой через Архангельск, где ежегодно в августе проводились международные ярмарки. С 1663 г. по челобитью иностранцев, обративших внимание московских властей на то, что «ярмарка бывает поздно и только месяц, а корабельный ход от города бывает, за морозами, опасен», торговлю продлили на весь летний период.

Время пребывания иностранных купцов обычно ограничивалось продолжительностью ярмарочного торга, по завершении которого они должны были сразу же уезжать. Лишь в том случае, когда им не удавалось по какой-либо причине покинуть страну, они могли просить царя о продлении своего пребывания или о передаче нераспроданных товаров на ответственное хранение. В любом случае их пребывание в России не могло превышать одного года. «Конечно, — подчеркивал А. С. Мулюкин, — далеко не все иностранцы были настолько корректы по отношению к русским порядкам. Бывали случаи, что иностранцы долго жили в России, занимаясь именно торговлей, но такое проживание было фактом, а не правом. Лишь только центральное правительство узнавало об этом, оно сейчас же и выселяло их за границу, в качестве нарушивших установленные правила иностранной торговли» [14, с. 60–62]. Впрочем, это правило не распространялось на привилегированных иностранцев. Восточные купцы в XVII в. обычно совершали сделки в Астрахани, Казани и Нижнем Новгороде. В Москву допускали только крупных оптовиков и тех, у кого имелись на руках проезжие грамоты. Греческие купцы из всех южных городов, где бывали, предпочитали Путивль<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Помещение с торговыми весами для взвешивания товаров.

<sup>2</sup> См.: [15, с. 208–211]; Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 2. № 659, 693.

Многочисленные льготы и привилегии, предоставленные торговым иноземцам, долгое время обеспечивали им преобладание на русском рынке. Деятельность местных торговых людей, бедных капиталами и отягощенных высоким промысловым налогом, ограничивалась внутренним, мелочным торгом. Даже в середине XVII в. торговые обороты отечественных экспортеров юфти, сала, пеньки и льна (за эти товары шла основная борьба) значительно уступали размаху торговых операций иностранных скупщиков. Соответствующие торговые сделки производились в Москве, Ярославле, Вологде, Новгороде, Пскове и некоторых других городах. При этом мелкие и средние скупщики целиком зависели от иностранного капитала и легко превращались в его агентов [1, с. 103].

Иностранцы, вывозившие из страны поташ, «совершенно не зависели от русских купцов». Они либо производили поташ на собственных предприятиях, либо покупали его у русских владельцев поташных заводов. Закупка кожи осуществлялась по месту ее выделки, т. е. по более низкой цене, чем на ярмарке в Архангельске. Аналогичным образом заготавливали пеньку, служившую сырьем для производства канатов, веревки и шпагата. Так иностранцы избегали посредничества крупной русской торговли [1, с. 99–100].

Осуществляя закупку русских товаров, они зачастую действовали с нарушением местных законов и обычаев, наносили тем самым значительный ущерб государственной казне и покушались на законные интересы московских гостей и других привилегированных оптовиков. «Для того чтобы иметь возможность приобретать товары вне городов, непосредственно у производителей и по мелким статьям, — писал И. М. Кулишер, раскрывая сам механизм правонарушения, — иноземцы нанимают русских людей, которые по их поручению, «от них» торгуют, являются «закупнями»... Не совершая сами запрещенных сделок, иностранцы через посредство «маломочных» русских людей достигают своих целей — последние как бы за собственный счет покупают у производителей товар как оптом, так и мелкими статьями, покупают его и у других иностранцев». Следовательно, по коммерческим результатам такого рода сделки ничем не отличались от розничной продажи при посредничестве собственных агентов [11, с. 169–170].

Московские купцы и их партнеры из Ярославля, Нижнего Новгорода, Костромы, Вологды протестовали против засилья иностранцев во внутренней и внешней торговле страны. Они обращали внимание власти на то, что последние занижали в таможенные стоимость привозных товаров, выступали в роли комиссионеров по беспогонной реализации чужих товаров, нередко сомнительного качества, сговариваясь, избегали русских оптовиков, сбивали цену на доставленные в Архангельск русские экспортные товары. Их домогательства, изложенные в челобитьях и заявлениях 1627, 1635, 1637, 1639, 1642, 1646, 1648–1649 гг., сводились к тому, чтобы запретить иноземцам торговать во внутренних городах, пользоваться собственным транспортом, обрабатывать на месте сырье, нанимать русских приказчиков, подолгу находиться в стране. Челобитчики также добивались ограничения зоны торговой деятельности своих конкурентов в России пределами Архангельска, просили правительство не предоставлять иностранцам откупов и не позволять им нарушать условия жалованных грамот [21, с. 299–331; 7, с. 22].

Говоря об этом, важно подчеркнуть, что инициаторами и подписантами челобитий преимущественно были московские оптовики, обладавшие правовыми и фактическими преимуществами, позволявшими им покупать у иностранцев лучшие товары, утаивать их от казны, выступать в роли ростовщиков, злоупотреблять своей властью в пользу свойственников и друзей. Маломочные же и средние торговые люди по ряду причин были заинтересованы в иностранном присутствии.

Долгое время верховная власть фактически игнорировала ходатайства русских купцов, так как не была уверена в их способности решить важнейшие внешнеэко-

номические и фискальные задачи. Однако усложнение государственного аппарата и постоянный рост расходов вынуждали правительство искать дополнительные источники финансовых поступлений. На этой почве происходило сближение его интересов с настроениями и запросами московской купеческой верхушки, экономическое влияние которой становилось все более заметным. Протесты и ходатайства предпринимательской элиты, тесно связанной с высшей бюрократией, настраивали царя в пользу проведения политики торгового протекционизма, направленной на вытеснение иностранцев с внутреннего рынка [10, с. 61; 13, с. 139; 7, с. 22–23]. Таким образом, политика торгового протекционизма и ее последовательного наступательного характера во многом определялись способностью московских торговых воротил конкурировать с иностранцами и обеспечивать решение приоритетных в глазах власти задач национального развития.

После 1 июля 1646 г. правительство отменило беспошлинную торговлю англичан, обязав их с 1 сентября 1646 г. платить в Архангельске рублевую пошлину в размере 6 денег (3%) с «невесчих» и 8 денег (4%) с «весчих» (подлежащих взвешиванию) товаров и полденьги с рубля (0,25%) в неделю вместо мелких сборов — амбарных, важенных, мостовых, дрягильских и др. Одновременно были аннулированы прежние жалованные грамоты многих других иностранных купцов; грекам, любчанам и голландцам въезд во внутренние города разрешался лишь при наличии особых жалованных грамот с «красной печатью» [21, с. 303; 8, с. 23].

Дальнейшие шаги в этом направлении проводились под предлогом мести английским революционерам, казнившим в 1649 г. короля Карла I. Согласно именному указу Алексея Михайловича от 1 июня 1649 г. «О высылке Англинских купцов из России и о приезде им токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли Российской поступки, особливо же за учиненное в Англии убийство Короля Карла I», для англичан закрывались Москва и другие внутренние города. Они могли приезжать только в Архангельск и торговать здесь при условии уплаты полной пошлины и немедленного отбытия по завершении торгов<sup>1</sup>. Неудивительно, что в скором времени Московская компания утратила свое прежнее значение.

Известно, что русские хлопотали и о высылке привилегированных нидерландских купцов. Однако здесь правительство проявило неуступчивость, учитывая, что эти конкуренты англичан исправно поставляя в Россию порох и свинец, пушки и ядра, ружейные стволы и пищали, мушкеты и пистолеты, алебарды и протазаны, активно помогали в модернизации русской армии. Пользуясь особым доверием Алексея Михайловича, они также выполняли его различные поручения в Западной Европе, выступая в роли дипломатических посредников и политических информаторов русского царя. Впрочем, в конце 1670-х гг. в их отношении тоже последовали меры ограничительного характера [7, 19, 21].

Определенные неудобства для иностранцев создавались по инициативе Русской православной церкви (РПЦ), добивавшейся законодательного запрещения русским служить у некрещеных или неправославных иноземцев. Уже в 1630-е гг. отказавшихся от крещения в православие западноевропейцев, проживавших в столице, вынуждали к переселению за Покровские ворота. Не позднее 2 марта 1643 г. был издан царский указ, запретивший иностранцам покупать дворы у русских людей «на Москве в Китае, и в Белом городе, и за городом в слободах». Одновременно было решено закрыть все протестантские церкви, находившиеся вблизи православных. В 1652 г. указом царя Алексея Михайловича для проживания иностранцев была определена особая слобода за Земляным городом на берегу р. Яуза, получившая название «Кукуй».

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 9.

Приступив в конце 1620-х гг. к осуществлению политики торгового протекционизма, правительство принуждало иностранных купцов к уплате таможенных пошлин в повышенном размере. Так, «невесчие» товары, явленные в Московскую таможенную торговую иноземцами, облагались в размере 4%, «весчие» — 5%, а условием экспорта русских товаров становилась уплата пошлины в размере 0,5% таможенной стоимости, «если даже с этих товаров и были уже уплачены все государевы пошлины и тамги» [21, с. 336].

Еще с конца XVI в. в порубежных городах таможенные пошлины с торговых иноземцев иногда назывались «большой таможенной пошлиной» или «большой тамгой» и записывались в таможенные книги отдельно от других сборов. Важно отметить, что накануне принятия Торгового устава 1653 г., положившего начало таможенной реформе царя Алексея Михайловича, они состояли из двух частей: во-первых, торговой пошлины с продажи товаров «не с весчих» (3%) и «весчих» (4%), и, во-вторых, единой пошлины за важные, мостовые, дрягильские, анбарные и вообще за «всякие мелкие пошлины» со всех товаров (1%). Следовательно, ставка «пошлины большой» с продажи «невесчих» и «весчих» товаров в Архангельске достигла к тому времени 4–5% с цены. Она-то и была закреплена Торговым и Новоторговым (1667) уставами.

Тогда же за право привоза иностранцами своих товаров во внутренние города страны и вывоза русских товаров за границу стали взимать особую проезжую пошлину, заменившую головщину, мостовые, паузочные, дрягильские, грузовые, проезжие с судов, возов и саней пошлины и т. д. Вопреки своему названию эта пошлина имела адвалорный характер и составляла 1,5% с «невесчих» и 2% с «весчих» товаров. За право вывоза русских товаров за границу иностранец также должен был заплатить 1,5–2% «проезжей пошлины» [21, с. 336–341].

В 1649 г. были окончательно установлены государственная монополия на закупку всего ввозимого из-за границы монетного серебра и курс («указная цена») обмена валют: «за любский ефимок по полтине, а за крыжовой по штинатцати алтын». Почти буквальное повторение этого распоряжения встречалось в наказах таможенной администрации Архангельска 1649, 1654 и 1667 гг. Когда ефимков в привозе было много, иностранцам разрешалось везти их к Москве, чтобы там за них получить русские деньги по указной цене [21, с. 274–275].

Одновременно вводилось повышенное обложение торговых сделок иностранцев внутри страны. Торговый устав 1653 г. обязал их платить с продажи своих привозных товаров по 2 алтына (6%) с цены во всех русских городах, кроме северного порта, в то время как русские платили с продажи своих товаров «рублевую пошлину» в размере 10 денег с рубля (5%). Этим законом также предусматривались «проезжие отъядочные пошлины», которые взимались с иностранцев, привозивших свои товары в Москву и другие внутренние города или отпускавших покупные русские товары за границу. Ставка этой пошлины составляла 4 деньги с рубля или 2% от стоимости товара. Если привозной товар «отъядлялся» в Москву и в другие русские города из Архангельска, то взималось по-прежнему 1,5% и 2%. Впрочем, валюта, которой оплачивались таможенные пошлины и сборы до 1667 г., оставалась произвольной. Таможенным головам вменялось взимать пошлины теми деньгами, «кто на какие деньги купит и продаст» [21, с. 414–415].

Еще одним подтверждением усилившегося вмешательства государства в сферу внешнеэкономических отношений могут служить изъятия на определенное время из сферы свободного обращения тех или иных товаров в качестве «указных». Безусловно, эти меры в какой-то мере ограничивали сферу деятельности иностранных купцов в России. Достаточно сказать, что 9 февраля 1662 г. был установлен временный запрет на свободный вывоз поташа, смольчуга, юфти, пеньки, говяжьего

сала и соборей, на которые приходилось свыше половины стоимости русского экспорта<sup>1</sup> [2, с. 52–55, 62; 9, с. 283; 21, с. 258–260].

Обеспечивая государственную монополию, правительственные агенты из выборных людей изымали «указные товары» у населения, чтобы обеспечить их доставку к ярмарочному торгу в Архангельске 1662 г. Частным торговцам запрещалось продавать такие товары непосредственно иностранцам, казна сама планировала получить за них ефимки и русские серебряные деньги. Во главе операции был поставлен окольничий Р. М. Стрешнев, объединивший в своих руках управление Приказом Большого прихода и Сибирским приказом. Технический аппарат был построен на основе обязательного привлечения и обязательной повинности торгового и посадского населения. Его возглавляли 5 гостей и торговых людей гостинной сотни и 15 торговых людей суконной сотни, обязанных покупать, обменивать и продавать товары [2, с. 64].

Согласно Новоторговому уставу в порубежных и внутренних городах приезжим иностранцам разрешалось торговать исключительно с местными оптовиками и «московскими купецкими людьми», запрещалось продавать привезенный товар соотечественнику или другому иностранцу. Нарушение этого правила каралось конфискацией товара (ст. 60, 61, 62, 63). При этом внутренние русские города им разрешалось посещать лишь при наличии особых государевых жалованных грамот. За право провоза товаров в глубь страны с них взыскивалась проезжая пошлина в размере гривны с рубля (10%), которая оплачивалась привозной валютой по официальному курсу 50 коп. за один ефимок. Во внутренних городах иностранцам надлежало дополнительно уплатить по 2 алтына с рубля или 6% «с тех заморских товаров с продажи». Когда же иностранцы доставляли свои покупные русские товары в Архангельск, Новгород, Псков и другие пограничные города с целью вывоза за рубеж, их вновь облагали проезжей пошлиной по гривне с рубля (10%), ориентируясь на продажную цену местного рынка<sup>2</sup>; после этого товары отпускались за границу «без задержания» (ст. 66). Покупные и променянные русские товары, вывозимые через Астрахань восточными купцами, также подлежали проезжей пошлине в размере гривны с рубля. Эту пошлину предусматривалось взимать в Астраханской таможене (ст. 78).

С валюты, привезенной иностранцем на покупку русских товаров, пошлина не взималась. За утайку (недекларирование) ввозимой валюты налагался штраф в размере 10% от суммы нелегального ввоза (ст. 73). Остальная валюта конвертировалась в русские деньги по официальному курсу и передавалась законному владельцу. В случае тайного вывоза ефимков из порубежного города в глубь страны нарушителя ожидало более суровое наказание: задержанную валюту отбирали в государеву казну (ст. 74). В 1680 г. в таможенное законодательство было внесено уточнение: все золотые и ефимки, которые торговый иноземец привозил с собой к Архангельску, ему надлежало под страхом конфискации объявлять в таможене «и записывать без утайки»<sup>3</sup>.

Неудивительно, что во второй половине XVII в. иностранцы все реже посещали провинциальные центры России. Высокая проезжая пошлина, которая с учетом реального соотношения рубля и ефимка составляла не 10%, а все 12–15%, а в конце XVII в. даже 20%, серьезно подрывала коммерческую прибыль таких предприятий [7, с. 20, 26–27]. Решение правительства, начиная с 1685 г., взимать

<sup>1</sup> Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 4. № 130. С. 178–179.

<sup>2</sup> В пограничных городах русские товары ценились дороже, чем в Москве и внутренних городах. Так, в Архангельске цены на поташ, кожу, пеньку, меха, воск превышали московские вдвое.

<sup>3</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 2. № 833.

в Архангельске пошлину с продажи русских экспортных товаров не с их закупочной цены в «верховых городах», а в зависимости от конъюнктуры товарного рынка в период ярмарочного торга завершило серию политических мероприятий правительства по ограничению торговых операций иностранных коммерсантов во внутренних городах страны<sup>1</sup>.

В дальнейшем произошло ужесточение таможенного режима в Архангельске и других порубежных городах. В 1687 г. была установлена единая цена юфти — 4 руб. за пуд, по которой Архангельская таможня должна была регистрировать все сделки купли-продажи по этому товару. Эта мера, направленная против купцов, которые записывали сделки на юфть, совершенные в провинциальных городах, «малою ценою», также имела отношение к территориальному ограничению торговли иностранцев. Последние отреагировали на это решение правительства тем, что усилили скупку сырых кож для отправки за рубеж. Тогда в 1695 г. вышел указ о регистрации в таможне сырых кож, вывозимых за границу, тоже по 4 руб. за пуд [7, с. 27].

Все эти меры правительственной политики вели к тому, что к началу XVIII в. русские купцы номинально стали хозяевами внутреннего российского рынка [15, с. 53]. Согласно счетным выписям Архангельской таможни 1710 г. в том году лишь 12 торговых иноземцев отпустили свои товары в «верховые города». Общий отпуск иностранных товаров во внутренние города составил всего 3% их продажи в Архангельске. В последующие годы этот показатель продолжал снижаться [6, с. 203–204].

Итак, в XVI — нач. XVII в., обеспечивая суверенитет России, ее правительство ограничивало доступ иностранцам на внутренний рынок, запрещало им розничную торговлю, противодействовало реализации захватнических намерений отдельных торговых компаний, ограничивало их привилегии, регулировало денежное обращение, обеспечивало финансовую независимость.

С конца 1620-х гг. проводилась политика торгового протекционизма, которая со временем принимала все более осмысленный и целенаправленный характер. Главным и самым действенным ее инструментом стал таможенный тариф, с помощью которого правительству удалось многократно усилить обложение торговых операций иностранцев в России. В конечном счете, большинство иностранных купцов лишилось своих привилегий, полученных в рамках предыдущего периода. Главная из них заключалась в минимизации расходов по уплате таможенных пошлин.

Одновременно практиковались меры нетарифного регулирования и ограничения свободной торговли, устанавливались все новые бюрократические препоны, затруднявшие перемещение и сбыт иностранцами своих и чужих товаров во внутренних городах. Определенную роль в этом отношении сыграла РПЦ. Добиваясь ограничения сношений иностранцев с основной массой русских торговых людей, она фактически содействовала правительству и крупным оптовикам (к числу которых сама относилась) в осуществлении политики торгового протекционизма.

Свою лепту в вытеснение иностранцев из сферы розничного товарооборота и завоевание внутреннего рынка вносила сама предпринимательская верхушка Москвы и крупных провинциальных городов. Она изобличала различные злоупотребления своих иностранных конкурентов и побуждала правительство к принятию решительных мер.

Продолжалась активная ценовая и денежно-финансовая политика, вынуждавшая иностранцев вступать в товарообменные операции с русскими купцами в порубежных городах. Правительство систематически обесценивало рубль и навязывало заморским купцам все более невыгодный для них курс обмена ефимков на рубли.

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 2. № 1129.

Оно заставляло их оплачивать валютой не только «проезжую» пошлину, но также пошлины с продажи заморских товаров в порубежных городах и за право ввоза алкогольных напитков, сахара и некоторых других высоколиквидных товаров. Это обеспечивало стабильный приток в казну серебряной монеты, столь необходимой для обеспечения денежной эмиссии в самой России. Валютное регулирование было эффективным и предотвращало «талеризацию» российской экономики.

Вместе с тем, оценивая деятельность правительства и отечественных предпринимателей, направленную на обеспечение экономического суверенитета в рамках допетровского периода, необходимо признать, что Россия тогда не имела собственных выходов в Балтийское море, а северная навигация продолжалась всего три месяца в году. Страна не располагала конкурентоспособным торговым флотом, русские купцы редко выезжали в заморские страны. Большинство из них пассивно дожидались партнеров из-за границы в Архангельске и некоторых других порубежных городах.

Следует отметить и то, что в самодержавной монархии главной заинтересованной и деятельной силой в ограничении торговых притязаний иностранцев выступало само правительство, стремившееся, прежде всего, удовлетворить казенную потребность в импорте, а также увеличить налоговые и валютные поступления. Оно-то и стало главным бенефициаром проводимых преобразований.

Немногочисленная группа крупных торговых предпринимателей, возникшая при непосредственной поддержке правительства, выступала главной общественной силой, осуществлявшей вытеснение иностранцев с внутреннего рынка. Ее отличали близость к правящим верхам, зависимый и полуслужильный статус и характер деятельности. Привилегированные русские купцы в большей степени, чем их иностранные партнеры были аффилированы с властными структурами и подчинялись их руководящим указаниям, привлекались в добровольно-принудительном порядке к государственному управлению. Это негативно сказывалось на их непосредственной коммерческой деятельности. К тому же торговые капиталы и обороты русских купцов значительно уступали возможностям иностранцев, которые одновременно демонстрировали и более высокий уровень организованности и корпоративной солидарности.

Благие пожелания законодателя, изложенные в преамбуле Новоторгового устава 1667 г. о примирении интересов привилегированных московских и малообеспеченных провинциальных купцов в дальнейшем не получили развития ни в законодательстве, ни в реальной практике хозяйственной жизни страны. Основная масса посадских людей, промышлявших торговой деятельностью, продолжала страдать от хронического безденежья и тяжело переносила бремя государственных налогов, податей и общественных работ. Малоимущие торговые люди испытывали нехватку оборотных средств и постоянно нуждались в кредите, развитие которого сдерживалось отставанием законодательства о вексельных взысканиях. Не ощущая кредитной поддержки и заботы со стороны правительственной бюрократии и представителей крупного бизнеса, они испытывали и неоднократно проявляли в XVII в. свою неприязнь и даже враждебное отношение как к государству, так и к московским купеческим верхам. Сложившаяся в рассматриваемый период модель взаимоотношений государства и бизнеса оказалась устойчивой к различным историческим перипетиям и не утратила своей актуальности в современных условиях экономического развития страны.

## Литература

1. *Базилевич К. В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1932. № 2.

2. *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.
3. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. СПб., 2001.
4. *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998.
5. *Градовский А. Д.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1.
6. *Захаров В. Н.* Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1985. Т. 112.
7. *Исаев А. П., Шумилов М. М.* Формирование политики торгового протекционизма в России (XVII — начало XVIII в.) // Управленческое консультирование. 2012. № 2. С. 19–31.
8. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
9. *Козинцева Р. И.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1973. Т. 91.
10. *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862.
11. *Кулишер И. М.* История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Петроград : 1923.
12. *Любименко И. И.* История торговых сношений России с Англией, XVI в. Юрьев, 1912. Вып. 1.
13. *Маньков А. Г.* Законодательство и право второй половины XVII в. СПб., 1998.
14. *Мулюкин А. С.* Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI — XVII веков. СПб., 1909.
15. *Репин Н. Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989.
16. *Скрынников Р. Г.* История Российская. IX — XVII вв. М., 1997.
17. *Спасский И. Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1633 гг. // Археографический ежегодник за 1959. М., 1960.
18. *Флоря Б. Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // Средние века. 1973. Вып. 36.
19. *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (Вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5.
20. *Шаскольский И. П.* О возникновении города Колы // Исторические записки. 1962. Т. 71.
21. *Шумилов М. М.* Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб., 2006.

## References

1. *Bazilevich K. V. Collective petitions of trade people and fight for the Russian market in the first half of the 17th century* [Kollektivnye chelobit'ya torgovykh lyudei i bor'ba za russkii rynek v pervoi polovine XVII v.] // News of Academy of Sciences of the USSR. Department of the Social Sciences [Izvestiya AN SSSR. Otd. obshchestv. nauk]. 1932. N 2. (rus)
2. *Bazilevich K. V. Monetary reform of Alexey Mikhaylovich and revolt in Moscow in 1662* [Denezhnaya reforma Aleksey Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 g.] M.; L., 1936. (rus)
3. *Wallerstein I. The analysis of world systems and a situation in the modern world* [Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire]. Translation from English Spb., 2001. (rus)
4. *Golikova N. B. Exclusive merchant corporations XVI of Russia — the first quarter of the 18th century* [Privilegirovannye kupecheskie korporatsii Rossii XVI — pervoi chetverti XVIII v.]. M., 1998. (rus)
5. *Gradovsky A. D. History of local management in Russia* [Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii]. SPb., 1868. V. 1. (rus)
6. *Zakharov V. N. Trade of the Western European merchants in Russia at the end of XVII — the first quarter of the 18th century* [Torgovlya zapadnoevropeiskikh kuptsov v Rossii v kontse XVII — pervoi chetverti XVIII v.] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. M., 1985. V. 112. (rus)
7. *Isaev A. P., Shumilov M. M. Making of policy of trade protectionism in Russia (XVII — the beginning of the 18th century)* [Formirovanie politiki torgovogo proteksionizma v Rossii (XVII — nachalo XVIII v.)] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2012. N 2. P. 19–31. (rus)

8. Klyuchevsky V. O. *Legends of foreigners on the Moscow state* [Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve]. M., 1991. (rus)
9. Kozintseva R. I. *Participation of treasury in foreign trade of Russia in the first quarter of the 18th century* [Uchastie kazny vo vneshnei trgovle Rossii v pervoi chetverti XVIII v.] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. 1973. V. 91. (rus)
10. Kostomarov N. *A sketch of trade of the Moscow state in XVI and XVII centuries* [Ocherk trgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII stoletiyakh]. SPb., 1862. (rus)
11. Kulisher I. M. *History of the Russian trade to the nineteenth century inclusive* [Istoriya russkoi trgovli do devyatnadsatogo veka vklyuchitel'no]. Petrograd, 1923. (rus)
12. Lyubimenko I. I. *Story of the trade intercourses of Russia with England, 16th century* [Istoriya torgovykh snoshenii Rossii s Angliiei, XVI v.]. Yuryev, 1912. Is. 1. (rus)
13. Mankov A. G. *Legislation and law of the second half of the 17th century* [Zakonodatel'stvo i pravo vtoroi poloviny XVII v.]. SPb., 1998. (rus)
14. Mulyukin A. S. *Arrival of foreigners to the Moscow state. From history of the Russian law of the XVI-XVII centuries* [Priezd inostrantsev v Moskovskoe gosudarstvo. Iz istorii russkogo prava XVI — XVII vekov.]. SPb., 1909. (rus)
15. Repin N. N. *Foreign trade and social and economic development of Russia in the 18th century* [Vneshnyaya trgovlya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii v XVIII v.]. Omsk, 1989. (rus)
16. Skrynnikov R. G. *History of Russia. The IX–XVII centuries* [Istoriya Rossiiskaya. IX — XVII vv.]. M., 1997. (rus)
17. Spassky I. G. *Monetary economy of the Russian state in the middle of the 17th century and reform of 1654–1633* [Denezhnoe khozyaistvo Russkogo gosudarstva v seredine XVII v. i reformy 1654–1633 gg.] // Aarcheographic year-book for 1959 [Arkheograficheskii ezhegodnik za 1959 god]. M., 1960. (rus)
18. Florya B. N. *Trade of Russia with countries of Western Europe in Arkhangelsk (the end of XVI — the beginning of the 17th century)* [Torgovlya Rossii so stranami Zapadnoi Evropy v Arkhangel'ske (konets XVI — nachalo XVII v.)] // Middle Ages [Srednie veka]. 1973. Is. 36. (rus)
19. Florya B. N. *Exclusive merchants and a city community in the Russian state (the second half of XV — the beginning of the 17th century)* [Privilegirovannoe kupechestvo i gorodskaya obshchina v Russkom gosudarstve (Vtoraya polovina XV — nachalo XVII v.)] // History of the USSR [Istoriya SSSR]. 1977. N 5. (rus)
20. Shaskolsky I. P. *About emergence of the city Kola* [O vzniknovenii goroda Koly] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. 1962. V. 71. (rus)
21. Shumilov M. M. *Trade and customs affairs in Russia: formation, main stages of development (IX–XVII centuries)* [Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya (IX–XVII vv.)]. SPb., 2006. (rus)